

Преуспел тот, кто очистился.

СУРА «ВСЕВЫШНИЙ»

Пролог

Кто родится чистым от нечистого?

Ни один.

Книга Иова

Больше всего Лиля боялась за тесто: молоко оказалось задумчивым, батареи грели так себе, хоть на кастрюлю садись, чтобы поднялось поскорее. Но тесто поспело вовремя, пироги тоже, а вот сын с семьей опоздал. Сперва задержался на совещании — бог весть какие уж там совещания в субботу, тем более в праздничную, но Даня врать не будет, — потом пере-званивал и говорил, что ждут Сашеньку, но приехали все равно без Сашеньки.

Даня смотрел виновато и бормотал про отмену электричек из-за праздника. Лена смотрела еще виноватей, передавала горячие приветы и норовила, еще не сняв пальто, проиграть Лиле присланное Сашенькой видеопоздравление.

Увидев Даню, Лиля вздрогнула — не потому, что он опять пополнил и выглядел утомленным, а потому, что он снова был не похож на того мальчика, который всегда жил в сознании Лили и ради которого она, в общем-то, существовала. Лиля замешкалась, решая, обнять сына или нет, — и когда решилась, было уже неловко. А саму Лилю обняла Лена, ловко, не прерывая щебетания и поиска в телефоне, — вот ведь ушлая какая.

Лиля, придя в себя, старательно рассмеялась, про видео сказала «потом-потом» и велела скорее мыть руки и садиться. Пироги в духовке вот-вот подсыхать начнут, а нам еще

салаты и рыбку попробовать надо. Рыбку надо каждый день есть, по телевизору сказали — особенно в наших условиях.

Даня немедленно забурчал про телевизор и про тех, кто его смотрит, Лена, посмеиваясь, поддержала Лилию: да, рыба ужасно полезна, там фосфор и жирные кислоты омега-3, ой, а это же моя любимая, спасибо, Лиль Васильна, только вы так умеете. Речь Лены журчала, переливалась и могла опять накрыть Лилию теми чувствами, которые заставляют опасть, тихо проливаясь слезами, прохладными и малосолевыми, и которыми накрываться поздно, да и просто нельзя. Поэтому Лилия торопливо, почти как сын, буркнула, чтобы начинали, и поспешила к пирогам, а выйдя из комнаты, остановилась отдышаться, раздавить спазм, чтобы сглотнулся и не мучил. Получилось. И получилось услышать, как Даня говорит сквозь щебетание:

— Надо было все-таки, чтобы приехала.

Щебетание почти без паузы сменилось жарким шепотом:

— Ну Даня, ну что ребенка мучить. Ей к сессии готовиться...

— Да что ты рассказываешь. Чтобы Санька к сессии — в марте? Любовь очередная просто.

— Ну и любовь, — строго сказала Лена. — Любовь поважнее сессии будет.

— Ну да, привезет она тебе поважнее сессии... Готова сама-то в бабушки?..

Лена хихикнула, но тут же зашептала строже. Лилия больше не слушала — ушла на кухню, на автомате заглянула в духовку, не понимая ни зачем, ни что видит, и точно так же, не понимая, уставилась в окно. За окном было сумрачно и сыро. Раньше Лилия бы сказала «свежо», но теперь это слово не подходило ни к погоде, ни к городу, ни к жизни.

Лилено отражение в стекле тоже было сумрачным, сырым и совсем не свежим.

Она сняла влагу с ресниц, мимоходом порадовавшись, что перестала пользоваться косметикой, беззвучно высморкалась в салфетку, поморгала, рассмотрела себя в стекле и пошла было в комнату, да вспомнила, что приходила проверить пироги.

Пироги были молодцами, хоть в гвардию бери — точны, честны и не подводят. Все бы так. Балиш, мясной с картошкой, потемнел и не протекал бульоном, который Лиля залила в специальное окошко полчаса назад. Заткнувшая окошко пробка из теста тоже потемнела и прикипела к крышке пирога так, что щели не видать. Можно нести. Пирог с калиной тоже доходил, будто опробованный Лилей лишь однажды, но впечатливший навсегда поезд «Сапсан», ровно по расписанию, через полчаса можно будет вынимать.

Лия, вооружившись прихватками, ловко извлекла и водрузила на дощечку сковороду с балишем, цыкнула на Лену, которая, конечно, прибежала помогать, и торжественно вынесла пирог на стол.

Она все-таки немножко волновалась, срезая и поднимая крышку, пробовать-то нельзя, да и не могла Лиля больше пробовать, — но уже по столбу пара, рванувшему к люстре, было понятно, что пирог удался. Картошка проварилась, мясо под вилкой было мягким, тесто — тонким и твердым, пирог наверняка обжигал нёбо, таял во рту, падал в желудок и оттуда почти слышно звал следующий кусок. Но все равно съесть удалось только крышку и треть начинки. Порцию со своей тарелки Лиля незаметно перебросила Дане — ну как незаметно, Лена заметила, конечно. Виду не подала, на том спасибо.

— Свекровь моя говорила: пока тебе не съел, умирать нельзя, — огорченно сказала Лиля и пояснила Лене: — Тебе — это дно, самое вкусное.

— Да-да, помню. Тогда мы брать не будем, вам оставим, а вы не ешьте, — сказала Лена, привычно заливаясь негромким звонким смехом.

— Нет уж, куда мне, старой. Возьмете, Сашеньке... А, да. Она когда придет-то?

Даня с Леной переглянулись и торопливо заговорили вроде бы разное, но быстро объединенное в «К твоему дню рождения уж точно, да, вот заодно и с Восьмым марта поздравит, да». Настоящая семья — она как хороший древний флакон с притертой пробкой: внутри может карбид бурлить, но наружу не просочится ни флюидика. Тут можно быть спокойной, подумала Лиля и снова поплыла.

Дети, не дождавшись ответа, начали обеспокоенно спрашивать, а Лиля, растерянно улыбаясь, пыталась вспомнить, когда у нее день рождения и сколько ей исполнится. Лена уже вскочила с места и трогала пульс, вкусно дыша укропом и луком — хороший пирог даже на выдохе хорош, — когда Лиля не только сообразила, что ни дата, ни возраст уже не имеют никакого значения, но и опомнилась, поняла, что насмерть всех перепугает, и принялась быстро говорить, еще не понимая, что именно скажет. Получилось нормально, про важность учебы — и сразу удалось не забыть про подарки: вот Дане носочки на двадцать третье, шерстяные, хорошие, ну и сразу Сашеньке сережки на Восьмое марта, мне свекровь дарила, не очень модные, но чистое серебро, может, понравятся.

— А я их помню, — сказал Даня, заулыбавшись, — только у Саньки уши-то пока не проколоты.

— Теперь проколет, — отрезала Лена и принялась вертеть серьги в руках, громко восхищаться, прикладывая к ушам и сетовать на Сашу-балду, пропускающую такое счастье.

Сама хотела вручить, но коли дела, пусть делает, конечно, торопливо, чтобы не соскочить со спасительной кромки, продолжала Лиля, пусть старается Сашенька, учится, место себе хорошее подбирает, дай бог, дай бог, сейчас с работой так сложно и с остальным, ладно хоть... Тут опять пришлось резко менять тему, и снова удачно: вспомнила про пенсии и ввернула, что Сашеньку все эти ужасы с увеличением пенсионного возраста пока не трогают. А ляпнула бы, как собиралась, что ладно хоть с жильем проблем не будет, бывшая Ленина остается, которую Лиля так и не научилась считать своей, — опять начались бы преувеличенные возмущения.

— Нас зато трогают, — воспламенилась Лена. — Фиг нам теперь, а не пенсии. И слова-то, главное, какие: возраст дожития!

Действительно, подумала Лиля, опять соскальзывая в слезливую яму, но быстро поймала себя за шкурку, подняла и отправила готовить чай. Даня и Лена ничего не заметили — Лена вещала, Даня набирался сил для тёбё. Хороший мальчик.

Пока заваривался чай, Лиля догрустила, успокоилась и встревожилась снова. Тревогу она вынесла вместе с чайниками.

— Дань, Лен, а на работе-то нормально? А то как начнут средний возраст чистить, пока наказания за это не действуют — в телевизоре сказали...

— Кто конкретно сказал, имена, явки? — строго спросил Даня.

Лиля привычно рассмеялась. Даня продолжил:

— Да пусть чистят, потом сами...

— В смысле — пусть?.. — испугалась Лена, а Лиля застыла, переводя взгляд с сына на сноху. — Балясников опять, что ли?

— Нормально все, — отрезал Даня, встал и начал разливать чай. Посмотрел на мать и включил режим мягкого увещевания: — Мамуль, реально все нормуль. Не парься. Оксана ценит, а Балясников у нас дурак, но не настолько. Да и не успеет — если что, первый уйду.

— Дань, — сказала Лена.

Даня сделал жест, Лена потупилась.

— Пьем чай, — велел Даня и шумно вдохнул. — Ах, какой.

— Пирог-то! — всполошилась Лиля, бросаясь на кухню. В спину ей потекли два протяжных стога.

— А вот нечего, — строго сказала Лиля, тормознув на секунду. — По куску каждый — и с собой возьмете.

По куску не осилили — Лена отщипнула, Даня куснул и обвис на спинке стула с отваленной челюстью, пялясь тем трагичней, чем громче хохотали дамы, — но с собой забрали и балиш, и с калиной, пообещав пару кусков заморозить и отвезти как-нибудь Саше.

— Да она и свежий поест, на день рождения, если пригласите засранку такую, да, Лиль Васильна? — спросила Лена, улыбаясь. Она уже успела убрать со стола, помыть посуду, рассовать пироги и рыбу по контейнерам и покорно принять большинство контейнеров в пакет, который всучила Дане.

Даня кашлянул — грех не воспользоваться.

— Простыл, что ли? — сурово уточнила Лиля. — Варенье малиновое у вас есть? Вон, возьмите. Берите-берите, у меня три банки, куда мне...

На стоны, уговоры и обьятия ушло еще минуты три. Лиля вытерпела. Дверь затворилась, когда сил у Лили не осталось, даже чтобы щелкнуть замком. Она вслепую опустилась на стул, который последние полгода не убирала из прихожей, глубоко вздохнула и заплакала.

Затрещал звонок, незапертая дверь тут же отошла, Лена сунулась со словами: «Ой, Лиль Васильна, я же телефон на зарядке...» — и увидела слезы.

Она рухнула на колени рядом со стулом и стала обеспокоенно выпрашивать, утешать, обнимая и поглаживая по плечам. Лиле было стыдно и неловко — и вообще, и оттого, что любые прикосновения заставляют ее корчиться от боли и омерзения, а Лена может это заметить, а обьяснять ничего нельзя. Лиля торопливо вскочила и побежала за телефоном, бормоча, что, наоборот, радуюсь, что вы хорошие такие и что так хорошо у вас всё, а сама просто устала очень, ну и Сашеньку увидеть хотела, чтобы лично сережки вручить, ну и накопилось.

— Авитаминоз, — уверенно сказала Лена, всматриваясь в Лилю с любовью и жалостью. — Вы бы сами малиновое-то, ой, нет, от него потеть будете. Давайте я вам витаминчиков куплю и принесу, прямо завтра — нет, завтра не получится, я ж в Сарасовск, ну на той неделе, до четверга точно. Хорошо?

— Ой, да эти витаминчики обман сплошной, по телевизору сказали...

— Кто конкретно сказал? — грозно поинтересовалась Лена с совершенно Даниными интонациями и сама засмеялась раньше Лили.

— Да уж там говорят, все время. Леночка, ты же взмокла, простынешь.

— Мы в машине, что вы, Лиль Васильна, да и ехать тут — ни согреться, ни замерзнуть не успеешь.

— И успевать не надо. Ты, Лен, не болей. И Даню с Сашенькой береги, ладно?

— Да как всегда, — серьезно ответила Лена, рассматривая Лилю. — У вас все нормально? Потому что...

Телефон в руках Лили запел, она торопливо передала его Лене, та вскинулась:

— Ой, Даня, что-то быстро заскучал. Да-да, все хорошо, в лифте не застряла, спускаюсь уже. Знаешь, кто тебе привет передает? Ма-ама. Помаши маме ручкой. О, Лиль Васильна, машет, сказал.

Лиля заулыбалась, обняла Лену, почти ничего уже не чувствуя, и ласково вытолкнула ее за дверь.

— На той неделе, — пообещала Лена вполголоса, прикрыв микрофон пальцами, и не очень ловко зашагала вниз по лестнице.

Лиля заперла дверь и снова опустилась на стул. Плакать не хотелось, но не хотелось и идти к окну, смотреть, как дети садятся в машину и трогаются со двора на бывшую Ленина, ныне Преображенскую, по-детски маша растопыренными пальцами в сторону окошек — которые все равно закрыты ветками, густыми даже в февральской нагоде. Лиля вяло подняла руку, пошевелила пальчиками как бы в ответ, уронила руку на колено и некоторое время ее разглядывала. Клеточки-складочки-пятнышки. Потом вскочила и как могла быстро подошла к окну.

Даня с Леной, конечно, уже уехали. Во дворе никого не было, как обычно в последние полгода, хотя зимой с запахом стало полегче, а дальше, наверное, будет еще легче, не зря же митинг в начале месяца прошел. Только голуби деловито бродили по газону, а их старательно не замечала крупная серая кошка. Лиля то и дело теряла ее из виду, тут же обнаруживая на пару шагов ближе к голубям.

Вечная история — одни подкрадываются, другие спасаются или не успевают, а я смотрю, подумала Лиля. А если бы не смотрела, было бы то же самое — одни бы крались, другие бы пытались спастись. И до меня так было. И когда меня не будет, все останется таким же. А я думала, все это ради меня.

Как глупо. И как несправедливо.

Голуби с шумом вспорхнули и грузно оккупировали голые деревья. Ветки закачались. Кошка презрительно мотнула головой и ушла к мусорным бакам.

Ладно кошку не завела, подумала Лиля.

И ладно сегодня посидели, вот так, ну пусть не ладно, но по-человечески. Хоть это успела.

Лиля подумала, не оставить ли записку Сашеньке, но решила не терзать ни ее, ни себя. И так все останется. Бывшая Ленина лучше, чем записка. Наверное.

Лиля вздохнула, открыла шифоньер, вытащила и положила на обеденный стол похоронное платье, чтобы не искали, и начала собирать сумку в больницу.

Часть первая

*Скажи обмазывающим стену грязью,
что она упадет.*

КНИГА ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

Глава первая

Ему приснилось, что мама умерла. Тихо и незаметно, как и жила. Гроб стоял на табуретах посреди зала и казался почти пустым — если не всматриваться. Он очень старался не всматриваться, но не мог отвести взгляд. Глаза цеплялись за острый носик, за бледные веки на дне пустых будто глазниц, за серые ямы под скулами, за небольшую голову, которую словно для маскировки замотали в белый платок и сунули поглубже в подушку. Глаза цеплялись, наливались слезами, и в них, как в линзе, мамино мертвое лицо росло, а он падал на него, чтобы поцеловать, но это была не мама — у мамы кожа теплая, а тут холодная плотная резина, и пахнет не человеком, а химией. Химию он ненавидел с детства.

Сердце забыло, что делать. Жаркое тяжелое горе поднялось из груди в горло и вытекло коротким стоном.

Он сел в постели, сипло вдохнул, поморгал и поспешно оглянулся.

В спальне было темно и тихо. Небо за окном оставалось серым, двор под окном — пустым, как и другая половина кровати. В туалет, видимо, вышла или согрешить с холодильником. И хорошо, а то опять засуетилась бы, стала спрашивать про дурной сон, а он таких расспросов не любил.

Но сейчас важнее было другое. Вот что важно, понял он: это просто сон, дурной, поганый и оставшийся там, в сырой подушке. Он засмеялся с коротким облегчением, поспешно вытирая глаза, и застыл.

Жаркое тяжелое горе затопило плечи и голову, не оставив ни надежды, ни смысла.

Это был не сон.

Он всхлипнул и затрясся. Услышит же, подумал он со стыдом, но это не помогло — успокоиться не получилось. Он поспешно встал, добрел до ванной и, не включая света, залез под душ. Вслепую отрегулировать воду не удавалось — сперва текла застывшая за полночи в трубах, потом ударил почти что кипяток. Это разозлило, зато отвлекло.

Наконец он справился и некоторое время, уперевшись лбом и локтями в невидимые керамические цветочки, дышал, пока душ острыми прохладными пальчиками не вытолкал жаркий бессмысленный ужас сперва из головы, потом из плеч и груди. Полностью, конечно, выдавить не удалось — нет в организме краника для слива лишних чувств. Но он пришел в себя — в такого, которого показывать не стыдно. Кому показывать только? Лене, кто еще за мной смотрит-то день и ночь.

Выпить надо, вот что, решил он, вышагнул из ванны, чуть не грохнувшись в темноте, растерся, как смог, небольшим полотенчиком — банного, как всегда, в готовности не оказалось, идешь мыться — бери с собой, а копить не надо, не для того ремонт делали, — влажно дошлепал до кухни и щелкнул выключателем.

Лена вздрогнула с забавным звуком. Она, уперевшись локтями в стол, пялилась в окно, такое же пустое, как и в спальне, и ничего, похоже, не видела и не слышала.

— Дань, ты?.. Чего не?..

Она снова отвернулась к окну, сморкаясь в салфетку — похоже, последнюю: из картонной коробки белый хвост не торчал, зато салфетные комья рядом выстроили солидную горку. Даниил понял, что можно ни на один из вопросов

не отвечать, и слава богу, а то ведь ответил бы. Он некоторое время разглядывал крашеный пучок на затылке и мелкодвигающиеся плечи. Рыдает прямо, подумал он с холодным неудовольствием. Как будто это ее мать померла. Конечно, свою и не помнит, вот по моей и рыдает. По живой бы так — ну, не рыдала, но помогала бы ей, что ли.

Мысль была нечестной — Лена и рыдала вместе с матерью Даниила, когда обеим хотелось, и помогала ей, и все уговаривала ее пройти обследование, и напрягала Даниила, и он все собирался надавить и уговорить, а потом оказалось поздно, — и от этого было невыносимо погано.

Она тебе даже на Восьмое марта ничего не подарила, Саньке приготовила, мне вручила, а тебе нет, а ты ей два комплекта постельного белья из Сарасовска перла, теперь в шкафу место занимают, — так чего ж ты строишь из себя страдальцу-то, подумал он, мстительно давя неловкий стыд.

Лена Даниилову мать любила вроде бы вполне искренне, чего Даниил так и не смог понять. Сам он к Лениным родственникам, в основном, к счастью, уже покойным либо безопасно далеким, относился в лучшем случае с благожелательной иронией и оснований полагать, что у кого-то бывает иначе, так и не накопил.

Даниил отвел глаза от плачущей жены и потоптался, размышляя, не предложить ли и ей выпить — хотя она водку и не пьет почти. Не успел. Лена порывисто вскочила, промаргиваясь, и сказала:

— Давай афобазол или корвалол дам, если спать никак.

— Не, — сказал Даниил. — Нормально.

— Ну как нормально, я же вижу, — начала было Лена, запнулась, села, уткнулась плаксиво растянутым ртом в кулак с растерзанной салфеткой и затряслась.

Даниил отвел глаза и с трудом сдержался от реплики «Хорош страдать уже». Остаться тут было невозможно, спать — тем более. Он заставил себя шагнуть к жене и погладить ее по плечу.

— Прогуляемся, может? — предложил он.

Лена вскинула зареванные глаза.

— Так ночь на дворе. И куда я в таком виде, совсем с ума спятил?

Даниил кивнул и пошел одеваться. Лена явно переполошилась:

— Дань, ты куда на ночь?..

— Пройдусь, — бросил он через плечо. — Не дергайся, я быстро.

Уже в лифте Даниил задним числом придумал, что идет в магазин, и двинулся туда сквозь пахнущую мусоркой прохладу, не задерживаясь и стараясь не глядеть на свои окна. Чего глядеть-то — и так понятно, что за стеклом мутным пятном маячит лицо Лены, которая, как всегда, следит, контролирует и пытается заботиться обо всем, до чего дотянулась.

Матери это не помогло, а Даниилу не мешает.

Даниил был равнодушен к крепкому алкоголю. Он пиво любил, пшеничное нефильтованное. Но иногда требовалось накатить и забыться, и вот тут лучше водки был разве что свекольный самогон дяди Севы — или сразу киянка в лоб.

Киянка или что-то типа едва не стала более вероятным вариантом.

Было еще не слишком поздно, едва за полночь. Пузатый охранник круглосуточной «Корзинки» дремал в стойке «вольно», продавщицы позевывали, но Даниил, вопреки ожиданию, оказался не единственным покупателем. Не мне

одному забыться надо, подумал он горько и направился к винным стеллажам. Какой-то идиот расставил вокруг них тележки так, что не пройти. Даниил ругнулся вполголоса, продавился вдоль ручки одной из тележек и принялся изучать ассортимент. Не хотелось брать ни пафосные бутылки с матовым напылением, ни дешевые мерзавчики. Маме с папой было легче — «Пшеничная» да «Столичная», если повезет, с черной этикеткой, подумал он, а зря. Углы губ потянуло, в бронхах заклохтало, и он торопливо рванулся сквозь тележки, защемляя и обдирая, кажется, бедро сквозь джинсы, и наугад выхватил за горлышко ближайшую бутылку.

— Мужчина, вы что делаете? — спросили за спиной.

Девчонка в салатной униформе продавца с искренним возмущением смотрела на Даниила поверх прижатой к груди стопки пустых картонных упаковок.

— У самой никаких идей нет? — осведомился он, неудобно растирая ушиб справа левой ладонью. — Чего вы тут баррикады устроили, аллонз анфан, блин, только голой сиськи не хватает? Восьмое марта перепраздновали, что ли?

— Вы что такое... — Девчонка сморгнула, затвердела лицом и осведомилась: — Охрану позвать?

— Давай, побольше только, — разрешил Даниил и стал протискиваться сквозь тележки обратно.

Девчонка тощим бедром пихнула ряд тележек обратно и громко позвала:

— Леша-а, быстро сюда, пожалуйста!

Даниил посмотрел на преградившую проход тележку и сильно толкнул ее, процедив:

— Дура, что ли?

Тележки клацнули решетчатыми бортами в десяти сантиметрах от девушки. Она отшатнулась, роняя картонки, и крикнула громче:

— Леша, быстрее!

Пузатый охранник уже пер от входа, едва не сшибая стеллажи.

Даниил поймал себя на паре трусливых мыслей, разозлился и перехватил бутылку, как гранату.

Сбоку сказали:

— Даниил Юрьевич, вы же лично постановление готовили про то, что нельзя водку отпускать и так далее после двадцати двух.

Даниил злобно зыркнул, вздохнул, аккуратно поставил бутылку на стеллаж и сказал:

— Добрый вечер, Оксана Викторовна.

Глава вторая

Ветер был сильным, хоть и не очень свежим, спасибо Нов-жизневскому полигону, но с облаками не справился. Звезд так и не было видно. Оксана поежилась и сказала:

— У меня дома бутылка, кажется, есть, выдам легко.

Митрофанов обозначил пальцами, будто отмахивается.

— Да все равно никто не пьет, а дом вон он, — пояснила Оксана.

— Да у меня самого дома полно, никто не пьет, и дом вон, — помолчав, ответил Митрофанов. Голос у него был сипловат, но не с похмелья и даже не со сна. На самом деле не было похоже, что он пил последнее время. Или вообще. Впрочем, Оксана не была особенным специалистом в этом вопросе, бог миловал. Оксана вспомнила, что Митрофанов и восьмимартовские поздравления профилонил, хотя деньги сдавал, Оксане бы сказали, если бы не. Скинулся и воздержался, ишь ты какой.

Митрофанов стоял неподвижно, разглядывая то ли кончики туфель Оксаны, то ли колени. И то и другое было ничего себе и повода стесняться не давало, но Оксане стало слегка неуютно. Не с таким выражением лица ее обычно рассматривали, детально и цельнокупно. Тем более посреди ночи.

Что-то с Митрофановым было не так. Последние недели Оксана едва ли не ночевала в Желтом доме — мэрия оправдывала прозвище, истово клокоча, дурдом как есть. В конторе Оксана почти не появлялась и по пустякам

просила не беспокоить. Она смутно припомнила, что Савельева что-то обсуждала с главбухом, сочувственно поглядывая на привычно сгорбившегося над бумагами Митрофанова. Но Оксане никто ни о чем не докладывал, значит, ее внимания вопрос не стоил. В любом случае душевное состояние, моральный облик и личная жизнь сотрудников за пределами офиса нормальное начальство трогать не должны.

Оксана снова поежилась, покосилась на охранника, увлеченно исполнявшего роль грозного стража ворот, к которому только подойди, у-у, — и предложила:

— Давайте мы вас проводим, все равно по пути, ну, почти.

— Еще не хватало, — буркнул Митрофанов, спохватился и добавил: — Спасибо, Оксана Викторовна. Я это... Нормально уже. До свидания.

Он неловко кивнул и пошел — в ту сторону, в которую указывал на «дом вон».

— В понедельник, если плохо себя чувствуете, дома посидите, — сказала Оксана вслед и тут же пожалела об этом. Сроки душили, а перед праздниками правовой департамент сбросил на оценку новую кучу проектов по наружке и стационарным торговым точкам.

Митрофанов, не останавливаясь, помотал головой и повторил:

— Нормально уже, спасибо.

Ну нормально так нормально, подумала Оксана, проследила, чтобы Митрофанов не нырнул под редкую машину на перекрестке, и вернулась в магазин мимо невыразимо уже грозного и мужественного охранника.

Тимофея искать особо не пришлось — само собой, он, задравши очки на лоб, залип в телефончик возле йогуртов, где Оксана его и оставила пятнадцать минут назад.

— Все взял? — спросила Оксана, спокойно изучая пустую тележку.

— Ага, почти, — сказал Тимофей, не отрываясь от экрана. — Гля, чего эта тэпэ опять выложила.

Оксана, как всегда, ответила: «Видела уже» — так было проще, — и сама принялась загружать тележку. Тимофей, тоже как всегда, зашевелился через полминуты: поймал неуютность, убрал телефон, попыттел рядом и ушел собирать зелень. Все равно не ту возьмет, рукколы нахватает вместо укропа. Зато при деле мужчина.

Ночные закупки — особое искусство. Нельзя брать помногу и готовое к употреблению: употребить захочется немедленно, а есть после двух ночи гораздо некошерней, чем после шести вечера. А мало брать просто глупо: кой смысл красть у себя кусок ночи, чтобы на следующую ночь снова в магазин бежать? Ночи — они не для этого.

Осталось понять, для чего. С Тимофеем понять не выходило.

Мало с кем выходило. Конечно, первые недели при очередном молчеле были насыщенными и на износ, но затем все неизбежно устаканивалось: ужин, сериал под вино и в кровать попом кверху. Зачем только Марка к маме на выходные отправляла, мог спокойно и без ущерба для детской психики соседствовать на своем диванчике.

То есть был, конечно, Рустик — веселый, неутомимый и гиперактивный. Потому что чересчур мол. чел., незаезженный еще. Но он затрахал во всех смыслах.

Иногда Оксана вспоминала Рустика с умилением, иногда с легкой тоской, но в основном с раздражением. Должен же даже молмолмолчел понимать, когда нужно, когда можно, а когда пора уже успокоиться. Спать хочется, на работу с ранья, а он опять «давай-давай». Точно соревнуется или доказывает что-то кому-то.

Тимофей, слава богу, с самого начала никому ничего не доказывал. С ним было легко, просто, иногда комфортно. Он даже бесил комфортно, обозначая для себя и остальных мягкие границы, которые никак невозможно перескочить и о которые невозможно расшибиться. Поорут друг на друга, подуются, Тимофей уйдет, скомкав бороду, Оксана всплакнет по былому и несбывшемуся, а через пару часов он прибежит с вином и креветками, она согласится отдать вечер «Нетфликсу», лишь иногда, вопреки свежей традиции диванолюбивого американского народа, перетекающему в секс, тихий и уютный, — взрослые же люди. И снова мир, покой и местами комфорт до конца выходных. Идеальный бойфренд на уикенд.

Сегодня нетфликснуть не получилось ни в каком смысле. Оксана не возражала бы против любого, но Тимофей на полдороге опять сгинул в телефоне, а едва ступив на порог и поспешно скинув «нюэбалансы», плюхнулся в кресло-мешок и не вставал оттуда минут сорок. Он явно забыл о грандиозных планах непременно посвятить всю ночь и полвоскресенья просмотру чего-то там остро необходимого всякому современному человеку. Общался с кем-то более насущным или опять ковырял эпизоды для своих «мэш-инок».

Оксана разобрала пакеты, приготовила легкий ужин на двоих, накрыла, два раза позвала, а на третий Тимофей заткнулся наушниками. Оксана кивнула, поела, попила воды, убрала свою тарелку в посудомойку, а Тимофееву — в холодильник, — и через ванную пошла спать.

Тимофей возник в спальне, когда Оксана уже засыпала, — с виноватым «Ну чего ты» и боязливymi ласками. Ласки были приятны, но сон приятней, так что Оксана, почти не размыкая губ, попросила: «Тщ-щ, завтра» — и быстро соскользнула обратно в дремоту. Тимофей не стал

ни мешать, ни обижаться — в этом он был молодец. Хотя бы в этом.

Оксану разбудило солнце. Оно ловко продавилось между недосомкнутыми шторами и легло на лицо полоской, слепящей даже сквозь веки.

Оксана готова была осерчать: каждый день поднимают будильник и дураки-начальники или сослуживцы, а в последний из длинных выходных еще и природа становится предателем, — но удержала себя в расслабленно-сонном состоянии. Оно ловко подsunуло другую трактовку: зима прошла, скоро лето, солнышко гладит только Оксану, а природа шепчет ласковые обещания, которые, может, и выполнит. Стало приятно. Шепот — веток, например, — и свежесть ветерка из форточки добавили бы приятности, но ветерок на этой неделе был северо-западным, так что лучше с ним не соприкасаться.

Оксана понежилась пару минут, сладко потянулась и зевнула, чуть не вывихнув челюсть, хихикнула по этому поводу, сползла с подушки, чтобы убрать луч с лица, и стала, как в садике, подсматривать за миром одним глазом.

Мир был не таким интересным, как в садике, но довольно симпатичным. Кусок стены с дизайнерскими обоями, совсем неевклидовый от затененности и зажмуренности второго глаза, чистенькая простынь, на ней чистенький кусок крепкого плеча и клочок бороды. Оксана некоторое время размышляла над тем, как этот клочок мог попасть на плечо. Ни к чему не придя, вытянула руку и осторожно исследовала загадочный участок. Ага, это он съезжился, а борода встопорщилась. Интересно. Только ли борода встопорщилась? Нет. Молодец.

Но не будем торопиться.

Оксана осторожно, чтобы не расплескать мление, соскользнула с постели, прошла минимальный утренний

туалет, налила фильтрованной воды и, прихлебывая, провела легкую инспекцию. Тарелка из холодильника, опустев, переместилась в посудомойку, одежда была аккуратно сложена у изголовья, там же лежал телефон, поставленный на зарядку. Оксана хмыкнула. Зарядку Тимофей воткнул в тот самый удлинитель, который давеча лично отсоединил, экспериментируя с предпросмотровой перестановкой компонентов домашнего кинотеатра.

Вот и хорошо.

Оксана, опростав стакан, поставила его на пол, сняла с себя лишнее и, катая сладковатую воду во рту, осторожно, без веса, села Тимофею на бедра. Тимофей поморщился, но не проснулся — дрых самозабвенно.

Он был смешной и трогательный. Худой мальчишечка с бородой, ухоженной даже во сне. Сперва ее укладывает, потом себя.

Оксана погладила бороду, снова удивившись, какая она мягонькая и шелковистая. Грудь и живот, впрочем, тоже. Оксана погладила понастойчивей, но без фанатизма. Проснешься — твое, нет — так извини. С другой стороны, было бы интересно попробовать, пока спит...

И тут он проснулся.

Ну и так тоже хорошо может выйти. И войти. Вот так.

Тимофей замер, пытаясь сообразить, что уместней и вежливей — сохранять зажмуренную неподвижность или потихонечку продира́ть глаза, автономные и чумные с утра. Оксана не собиралась ни помогать ему, ни подсказывать — занята была.

Он справился сам, неплохо — как обычно, когда телефон или ноут не отвлекали. Выпрямлялся, приподнимался, подерживал, гладил — и вдруг вздумал болтать: